

ВОЛШЕБНИЦЫ И ВЕДЬМЫ

МАРГО ГЕНЕР

КОЛДОВСКОЙ
СЧЕТ

16+

Марго Генер
Колдовской снег
Серия «Волшебницы и Ведьмы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41679335

SelfPub; 2019

Аннотация

Мудрые люди советуют следить за речью, мол, слово не воробей, никогда не знаешь, где и как оно отзовется. Мирослава, бойкая современная девушка, тоже не знала. Но это не освободило ее от ответственности, теперь ей придется отправиться очень далеко, чтобы вернуть того, кого унес колдовской снег. Материалы для обложки взяты с ресурсов shutterstock и depositphotos.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

Очередь в магазине достигла таких размеров, словно эти торты последнее, что люди хотят попробовать в жизни. Горизонт перекрыл мужчина чрезвычайных габаритов, поэтому мне приходилось постоянно выглядывать то справа, то слева.

В торговом центре жарко, а я впопыхах не стала сдавать верхнюю одежду в гардероб и теперь чувствую, как по спине стекает теплая струйка.

– Девушка, вы проходите? – раздалось позади недовольное.

Вздрогнув от неожиданности, я обернулась.

Женщина таких же чрезвычайных размеров, как и мужчина впереди, смотрит на меня недовольно и притоптывает носком.

– Куда я должна проходить? – спросила я, чуть отходя и показывая, мол, там тоже люди и они никуда не двигаются.

Та скорчила недовольную гримасу.

– Ой, могла бы и уступить место, – проговорила она. – Вы, молодые, неученые. Все наглые. Нет бы пропустить пожилого человека.

От такого нахальства у меня даже глаза округлились.

– Во-первых, – ответила я, стараясь держать себя в руках

и не устраивать скандалов на людях, – вы вообще не пожилая. У нас разница в возрасте едва в десять лет. А, во-вторых, с какой стати я вам должна уступать? Я тоже стою здесь пятнадцать минут.

Лицо женщины побагровело, уж не знаю, то ли от моей прямооты, то ли от разоблачения ее недостаточно солидного возраста. Ноздри раздулись, она произнесла, выпячивая грудь:

– Да ты еще и хамка. Смотрите, какая цаца. Стоит она тут. А я, может, сюда раньше пришла, а ты мое место заняла.

– Женщина, вам заняться нечем? – попыталась вразумить ее я. – Я не собираюсь с вами ругаться и просто хочу купить торт.

Но ей, по всей видимости, требовалось излить недовольство, причем немедленно.

Женщина продолжила:

– Ишь ты, еще дерзит. Молодая, а глаза намазала, как перезрелок. На косметику, небось, ползарплаты тратишь.

Я никогда не отличалась терпением и сдержанностью, и сейчас едва держалась, чтобы не рассказать непонятной тетке, куда ей следует отправиться с таким поведением.

Послав просящий взгляд люстре, я выдохнула и сказала:

– Женщина, я вас не оскорбляла. И вас не касается финансовая сторона моей жизни. И вообще, никакая другая сторона.

Та гадко усмехнулась.

– Что, мужик содержит? – спросила она. – Села на шею, ножки свесила? Ну-ну. Знаем мы таких. В голове пусто, только ноги раздвигать умеете.

Внутри все закипело от несправедливого обвинения. В голове пронеслись картинки, где я с победным криком залепляю ей в лицо свежескупленный торт и даже не сожалею, что это торт, купленный нам на годовщину. Сегодня вечером мы с Киrom собирались отметить два года совместных отношений. Очень хотелось, чтобы все прошло согласно моему плану, поэтому неделю составляла список всего, что нужно сделать. Шампанское из магазина Совье де Баж, свечи, столик под крытым куполом в лофте, который нужно бронировать за месяц, мне – новое платье. Киру – рубашку непременно светло-голубого оттенка, он очень хорошо сочетается с цветом его глаз, голубых, как горные озера.

И торт.

Именно в этой кондитерской, потому что здесь они самые свежие и вкусные. И без мастики.

Всю организацию я взяла на себя, руководствуясь правилом "хочешь сделать хорошо – сделай сам". Хотя Кир предлагал поездку в загородный дом, где снежный лес, катание на санях и еще какие-то зимние развлечения. Я против ничего не имела, но когда уже готова была согласиться, подумала, что ничего не знаю о том месте, какой дом, продукты, кто за всем следит. И уговорила Кира отмечать все же в проверенном месте и с проверенными поставщиками.

А сейчас какая-то истерическая тетка грозится сорвать мне весь праздник.

Развернувшись к ней, я сложила руки на груди и произнесла, глядя прямо в глаза:

– Послушайте, вас не касается моя жизнь, вы не имеете права так со мной говорить. Это первое. Второе. Пропускать вас вперед себя я не стану. Теперь уже из принципа.

Женщину моя тирада, похоже, не впечатлила. Ухмылка стала еще гаже, она почему-то приосанилась и произнесла:

– Ой, напугала. Не видишь что ли? Мы в разных весовых категориях.

Это я тоже прекрасно осознавала. Мой рост в метр шестьдесят два и пятьдесят килограмм против ее центнера явно проигрывают.

Но все же сказала:

– Собрались прокатиться по мне катком прям на глазах у людей? Имейте ввиду, я напишу заявление.

Глаза женщины выпучились, как у надутой лягушки, щеки раздулись, она выпалила:

– Это я коток?

– Ну не я же.

– Стерва крашенная!

– И ничего не крашенная, – попыталась возразить я. – Натуральная медная шатенка.

Но женщину уже было не остановить. И за несколько минут я узнала о себе столько удивительного, что под конец по-

думала, стоило бы записывать – так изобретательно бранилась женщина. Причем понять, с чего она вдруг разошлась так и не смогла.

Я уже не слушала, что она там кудахчет, стала думать, как привезу торт, как наряжусь в новое платье, купленное специально по случаю. Кремово-персиковое, с золотыми вставками по бокам, оно идеально сочетается с моими медными локонами до пояса и карими глазами. Я вообще всегда любила теплые оттенки, они подчеркивают мой цвет кожи. Но в последнее время стала допускать и прохладные тона, совсем немного и пока лишь в макияже.

Размышления снова прервал громкий звук. И в этот раз меня дернуло куда сильнее, ибо так звучит оповещение о закрытии кондитерской.

Встрепенувшись, я выскочил из-за необъятного мужчины и стала прыгать, пытаюсь разглядеть, что творится впереди.

– Дорогие посетители, – прозвучал голос из динамика, – наша продукция на сегодня закончилась. Приносим свои извинения.

Народ загалдел, меня стали пихать и толкать локтями, намереваясь прорваться к прилавку, словно это поможет тортам чудесным образом снова появиться на витринах. Я же, чувствуя, как мир тухнет и блекнет, стала пробираться к выходу.

Хотелось плакать. Я так долго старалась, так хотела, чтобы все получилось, как я придумала. Мне даже в голову не

приходило, что торты могут закончиться. Но я не могла позволить, чтобы какой-то кусок теста испортил мой вечер. Его срочно нужно было спасти.

Выбравшись на улицу, я накинула капюшон и достала из кармана смартфон. Быстро мазнул по экрану, нажала "Кир" и приставила динамик к уху.

Пошли гудки, один, другой, третий... Стали замерзать пальцы, на улице мороз минус семь.

Наконец что-то чиркнуло, послышался чуть хриплый голос:

– Да.

– Кир, ты чего трубку не берешь? – с ходу наскочила я, все еще злясь после стычки с тёткой и потерей торта. – На улице не май.

– Мира, ты... А ты чего на улице? – донеслось из трубки после короткого покашливания.

И тут меня прорвало. Я в красках рассказала о беспардонной женщине в кондитерской, об очереди, о жаре, о том, как забыла сдать одежду, и, в конце концов, о том, как мне не достался торт.

– ... и, наверное, придется купить какие-нибудь простых пирожных в пекарне по пути, – закончила я пылкое повествование.

Кир на том конце внимательно выслушал мое излияние, и я даже стала понемногу успокаиваться.

– Ну, – проговорил он после некоторой паузы, – могло

быть и хуже.

– Даже думать об этом не хочу, – отозвалась я. – Ты забрал шампанское?

В трубке слышались посторонние звуки, чьи-то голоса, какой-то шум, и в груди заворочалось неприятное.

Кир ответил:

– Еще нет. Сейчас поеду за ним.

Второй раз за вечер я ощутила, как во мне взрывается вулкан, а планы летят псу под хвост.

– Что значит "еще нет"? – переспросила я. – Ты должен был забрать его еще в четыре. А сейчас уже шесть! Ты вообще где?

– Мирослава, – проговорил Кир, – успокойся. Я просто заехал перекинуться парой слов к приятелю. Не убежит наше шампанское никуда.

– Не убежит? – выкрикнула я, чувствуя, как меня трясёт от холода и бешенства. – Торт тоже не должен был! Кирилл, да что это такое! Почему я все делаю сама, а ты не можешь выполнить простое поручение!

– А кто тебя просит самой все делать? – спросил в ответ Кирилл спокойно, хотя я буквально кожей ощутила, как он напрягся.

Мне стоило промолчать или сказать что-то из роликов доморощенных психологов, которые учат проявлять женственность. Но я не верила, что вчерашний выпускник психологического института имеет компетенцию раздавать женщине

советы о том, как быть женщиной.

Поэтому сказала:

– Если я не проконтролирую, все обязательно пойдет не так.

– То есть мне ты тоже не доверяешь?

– Доверяю, – ответила я нехотя, – но шампанское ты все же не забрал.

Из трубки послышался тяжелый вздох. Такой тяжелый, что показалось, Кирилл поднял мешок с цементом, но пытается это скрыть.

– Мы два года вместе, а ты не веришь, что я способен вовремя забрать дурацкую бутылку? – спросил он все с тем же спокойствием, от которого стало не по себе.

Мы познакомились на вечеринке у подруги ровно два года назад примерно в такой же морозный вечер. Народа было много, Светка до сих пор любит шумные тусовки, хотя уже замужем и даже успела дочку родить. Хотя по моим меркам в двадцать один в наше время рановато. Мы с ней ровесницы, но она сделала упор на семью, я же стараюсь пробиться по карьерной лестнице и умудриться построить отношения. И если с работой все более-менее понятно – за полтора года смогла продвинуться от простого секретаря до личного помощника генерального директора и занять целый комплект подчиненных, то в личной сфере все получалось сложнее. Кирилл обладал спокойным нравом, но сильным характером. Если я носилась по квартире с криками "шеф,

все пропало", он молчаливо ждал, пока истерия кончится. И лишь тогда приступал к диалогу. Вообще, на мой взгляд, мы друг другу прекрасно подходили. Мне лишь было непонятно, почему он иногда не слушает меня и не делает, что прошу.

– Слушай, Кир, – сказала я, стараясь задавить гнев, – я просто просила забрать шампанское. Вовремя.

– Я заберу его вовремя.

– Ты не успеешь.

– И почему?

– Сейчас вечер, – стала объяснять я очевидные вещи, – час пик. Снег, пробки.

Вновь раздалось сопение, Кирилл проговорил:

– Мира, если я говорю, что заберу, значит заберу. Или я кто, по-твоему?

Его спокойствие и уверенность начали бесить. Я прекрасно знала, что магазин, где продается это лимитированное шампанское, на которое почему-то нет доставки, находится на улицах, где под вечер пробки по семь баллов. Еще больше раздражало, что он спорит и пытается доказать что-то.

– По-моему, ты... – начала я и запнулась, подбирая слова.

– Ну-ну, – подбодрил Кирилл как-то недобро.

– Безответственный лентяй, – наконец сказала я.

– Безответственный? – уточнил Кир.

– Да.

– Лентяй?

– Именно.

– А то, что я занимаюсь нашим обеспечением не считается? – спросил Кир.

Он действительно неплохо зарабатывал, трудясь в отделе инновационных разработок крупной интернет-компании. Квартира, в которой мы живем, принадлежит ему.

Я ответила резко:

– Я тоже работаю, если не заметил.

– Заметил, – согласился Кир. – И свою работу пытаешься перенести домой.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я.

Он проговорил:

– А сама не видишь? Как получила руководящие место, так и дома руководить пытаешься.

– Неправда.

– Серьезно?

– Да, серьезно, – ответила я. – Просто мне хочется, чтобы все делалось правильно. Чтобы все делалось удобно и вовремя.

Кирилл усмехнулся.

– То есть чтобы все делалось, как удобно тебе.

Разговор стал угнетать, и без того попорченное настроение стремительно снижалось, захотелось бросить трубку в сугроб, сесть в автобус и уехать к Светке.

И все же я сделала глубокий вдох и произнесла:

– Кир, я просто хочу, чтобы ты сейчас сел за руль и поехал

за этим долбаным шампанским.

– Какая-то кривая у нас получается годовщина, Мирослава, – вдруг сказал он.

Внутри что-то екнуло, я спросила:

– Что ты хочешь сказать?

– Да ничего особого, – отозвался Кирилл, – кроме того, что за руль мне садиться незачем.

Его слова отозвались глухим ударом в груди. Следом за ним воображение быстро нарисовали картины, где он в окружении полуголых стриптизерш засовывает им в трусы деньги, затем почему-то представилась их сотрудница Виолетта, пышногрудая брюнетка, на которую весь их отдел пускает слюни. Что мерещилось потом – не помню. Глаза затуманились слезами, я проговорила дрогнувшим голосом:

– Вот значит как? Не поедешь? Ну и до свидания! Я так старалась! А ты втихаря девок себе заводишь!

– Каких девок? Мира... – попытался что-то сказать Кир, но я не дала.

– Я знаю, что ты хорошо зарабатываешь. Но я не уступаю! Или почти не уступаю. И не надо меня пытаться этим попрекать.

– Мира, я не...

– По-твоему, я бесчувственный робот? – все больше расходилась я, не обращая внимания, что прохожие стали коситься, а маленькая старушка на лавочке слишком уж внимательно прислушивается к разговору. – Да ничего подобно!

Просто если я прошу что-то сделать, это надо делать сразу!

Кирилл быстро проговорил:

– Я же ни разу не подводит тебя. Мира, я не...

– Не подводил, потому что я это контролирую! – почти прокричала я. – А сейчас я стою на морозе и мы ругаемся из-за долбаной бутылки шампанского! Или нет! Не из-за бутылки! Из-за тебя!

– Меня?! – выдохнул Кирилл в трубке.

– Тебя, снежный ты истукан! – гаркнула я. – Неужели сложно понять, для меня важна эта годовщина! Бесчувственный! Тебе нужно не со мной встречаться, а с ледяной королевой. Сидели бы вместе и лепили снежки!

– Мирослава, что ты несешь? – спросил Кирилл с явным беспокойством, но у меня резко кончилось желание продолжать бессмысленный разговор, я нажала отбой и вытерла лицо.

Глава 2

Тело трясло от бешенства, пальцы из-за холода задеревенели так, что перестала их чувствовать, от дыхания на куртке образовалась изморозь. Народ старается меня обходить и вокруг образовался свободный пяточок. Тетка, которая пререкалась со мной в кондитерской, выходя, открыла рот, но, бросив на меня быстрый взгляд, захлопнула его и быстро засеменила валенками в сторону остановки.

Я сама не поняла, почему так оторвалась на Кирилла, но гнев все еще продолжал клокотать. Видимо, накопилось напряжение прошедшей недели, а последние события долили масла в огонь.

Прошло несколько минут прежде, чем снова смогла связно мыслить. Я наорала на Кирилла. Частично за дело, частично сгоряча. Но он давно меня знает. Знает, что я особа импульсивная и горячая. Но беззлобная. Он отойдет, мы поговорим и отметим, наконец, эту годовщину. Пусть и без шампанского.

Убрав телефон в карман, я достала перчатки и негнушительно пальцами натянула. Торты все еще не было, как и пирожных, которые еще предстоит купить. Что значит, надо поторопиться, пока и пекарня не закрылась.

Запахнувшись плотнее, я направилась к припорошенной

снегом дорожке, что ведет к остановке. Когда проходила мимо старушки на лавке, та вновь внимательно посмотрела на меня. Маленькая, закутанная в шарфы и платки. Таких рисуют на картинах Российских глубинки. Подумала, просит подаяния, но когда я потянулась к сумочке за кошельком, та демонстративно отвернулась, сделав вид, что меня не видит.

Я пожалала плечами и пошла к остановке.

Мороз крепчал, а автобус, как назло, не ехал. На табло навязчиво светились цифры, утверждающие, что он давно на месте, но передо мной лишь четырехполосная дорога и горки грязного снега по обочинам.

Когда от ожидания стали подмерзать ноги, махнула рукой и поплелась пешком, уповая лишь на то, что в пекарне останется хоть какая-то кондитерка.

На дорогу ушло двадцать минут, но к моему великому облегчению, пирожные в пекарне действительно остались. Вдыхая ароматный запах свежего хлеба, я расплатилась с кассиром и вынесла на улицу пакет, перевязанный красной ленточкой. Может по телефону мы с Кириллом и поругались, но при встрече все наладится. Должно наладиться. Во всяком случае, я сделаю для этого все возможное.

Домой ехала на метро. Благо, время позднее, и народа почти нет, поэтому удалось занять сидячее место. Кирилл, по всем показателям, должен был приехать домой раньше меня. Во-первых, он на машине, пусть и с поправкой на пробки, во-вторых, магазин с шампанским находится к дому ближе,

чем я.

К подъезду подходила, мысленно готовясь вразумлять неразумного мужчину, подбирала аргументы и доводы. В лифте повесили новое зеркало, и я успела привести в порядок макияж, пока поднималась на седьмой этаж. У самой двери пару секунд постояла, делая вдохи и выдохи, чтобы собраться с мыслями, затем вставила ключ в замок и вошла.

– Кир, я дома, – сообщила я громко и нарочито радостно, затворяя дверь. – Удалось купить пирожные, пекарня еще работает.

Скинув сапоги и повесив на крючок пальто, я прошла в кухню и выложила перевязанную красной летной коробочку на стол.

– На улице настоящий дубарь, – продолжала я, стараясь заранее расслабить обстановку. – Не помню, когда последний раз такое было. Автобусы ходят плохо. Пришлось двадцать минут пешком тащиться по морозу.

На столе, кроме моей коробки с пирожными, еще ваза с тремя розами, красными, как я люблю. Кир, видимо, купил в качестве сюрприза, я улыбнулась, тронутая заботой. Хотя на одном бутоне лепесток чуть пожух, но это не страшно. Сейчас куда важнее все наладить.

Развернувшись, я посмотрелась в отражение стеклянной дверцы шкафа. Выглядеть могла бы лучше, будь на мне вечернее платье с золотыми вставками, а не синий свитер со снежинками и джинсы с начесом.

– Надо переодеться, – пробормотала я, поправляя медные локоны, и уже громче добавила: – Кир, ты готов? Чего не отвечаешь?

Когда ответом снова стало молчание, я недовольно выдохнула и прошла в зал, где Кир обычно смотрит телевизор после работы.

Сейчас здесь пусто, только стакан с недопитым коньяком на журнальном столике и приоткрытая фрамуга, что значит, Кирилл действительно приехал домой раньше меня и даже успел опрокинуть полстакана. Холодный ветер колышет шторы, а на стекле откуда-то взялась узорная изморозь. Со всем такая же, какую видела в детстве, когда ночевала у бабушки в деревне. Но там были простые, тонкие стекла, которые на зиму следовало обклеивать клеенкой. А это – качественные стеклопакеты, и никакой изморози на них не должно появляться по определению.

– Везде халтура, – фыркнула я. – А за эти окна отвалили прилично. Кир, ты где? Ты в душе?

Я вышла в коридор и направилась в душ, хотя задним умом понимала – будь он там, слышался бы шум воды. Но все равно решила проверить.

Когда Кирилла там не обнаружила, пошла в спальню. Та тоже оказалась пустой, постель аккуратно застелена, никаких следов человеческого пребывания.

– Да что такое, – возмутилась я. – Ты вообще дома?

Но спросила скорее на автомате, потому что уже поняла

– Кирилл в квартире нет.

В груди защемило от смеси обиды и гнева. Не верилось, что он мог взять и уйти прямо в годовщину, которую я так готовила. Никогда прежде он так не поступал, но именно сегодня, в такой важный день решил проявить характер и высказать свое «фи». Демонстративно.

Чем больше об этом думала, тем сильнее разгоралось бешенство. Он знал, что у нас годовщина, знал, как для меня важно, чтобы все шло, как запланировано. И в последний момент так низко поступил.

Сжимая в бессильной ярости кулаки, я вернулась в гостиную, будто надеялась, что он чудесным образом сейчас там появится. Но зал все так же пуст. На кожаном диване вмятина от пятой точки, стол чуть сдвинут, будто Кирилл его пинал от скуки. По внешней стенке бокала ползет капля, словно из него отпили секунду назад.

– Нет, это просто свинство, – проговорила я сквозь зубы и вытащила мобильник.

Быстро мазнув по экрану, выбрала «Кир» и стала ждать. Через секунду в динамике раздалось:

– Абонент находится вне зоны действия сети.

Я вытаращилась на телефон, будто он сообщил, что наступает апокалипсис. Хотя именно так мне и казалось. Кирилл приехал домой, выпил полстакана коньяка и куда-то ушел, не сказав ни слова, не позвонив и не отчитавшись.

От осознания этого меня буквально потрянуло. В каком-то

запале стала бегать по квартире, наливать воды, выглядывать в окно. Мысли разом спутались, превратившись в беспутный рой.

Опрокинув в себя стакан воды, я остановилась в середине коридора, дыша, как марафонец в конце забега.

– Телефон Кирилла не отвечает, – стала рассуждать я вслух, чтобы хоть так упорядочить сознание, – но дома он, сто процентов был, далеко уехать не мог.

Но где его искать, почему-то идей не появлялось. Друзья разбросаны по всему городу, а он совсем немаленький. Баров и кабаков, наверное, больше, чем людей, а родственники вообще не отсюда.

Раздражение и обида все росли, я все больше ощущала себя преданной и почему-то опозоренной. Кирилл не имел права так поступать, не имел права уезжать, не поговорив, не выяснив отношений, те более в такой день.

Я вновь набрала его номер, компьютерный голос опять сообщил, что абонент не в сети. В бессильной обиде я швырнула телефон наотмашь, тот угодил в вешалку с одеждой и мягко бухнулся в ботинок Кирилла.

Пару секунд я смотрела на торчащий из него бок смартфона. Затем мысли медленно, но все же стали выстраиваться в логическую цепочку. И чем дольше они это делали, тем более странной она казалась.

Ботинки Кира здесь, зимние, с толстой овчинкой, специально заказывали на его широкую стопу. На носках мокрые

пятна от снега, что значит, сняли их совсем недавно. Куртка тоже на вешалке. Она успела подсохнуть, но оторочка капюшона из искусственного меха еще блестит от влаги. Сумка на комод. И вообще все выглядит так, словно Кирилл дома.

– Кир? – растерянно позвала я, подходя к ботинкам и подбирая телефон.

Никто не отозвался.

Озадаченная, я снова вернулась в зал. Вмятина на диване постепенно стала выпрямляться, но капли на бокале все еще блестят, будто Кир и правда поставил его мгновение назад и поднялся.

– Ну не испарился же он, – пробормотала я.

В эту секунду в открытую фрамугу ворвался ледяной порыв, принеся с собой вихрь снега, который опустился на ламинат и тут же превратился в лужицы. Я метнулась к окну и закрыла створку, одновременно стараясь вытереть морозный узор. Но тот не подавался, словно его нарисовали акриловыми красками.

– Да что за ерунда? – выругалась я и, подойдя к дивану, озадаченная опустилась на краешек.

Хотелось найти Кирилла, разобраться с этим беспределом, позвонить в оконную фирму, которая продала нам этот брак. Вся годовщина полетела в тартарары, и я не представляла, как это исправить.

Вновь взглянув на телефон, я набрала Светке. Та ответила моментально:

– Мира! Привет! – защebetало в трубке. – Как ты? Отмечаешь? Ты же, вроде должна отмечать. У вас годовщина? Или я опять перепутала?

– Не перепутала, – прервала словесной поток я, – годовщина... Слушай, тебе Кирилл не звонил?

Из трубки понеслось удивленное:

– Мне? Нет. Зачем ему звонить мне в такой день?

– Понятно, – вздохнула я расстроено.

Это не укрылось от Светки.

– Мирослава, у тебя все хорошо?

Признаться подруге, что мой праздник развалился, как карточный домик от прорыва ветра, оказалось выше моих сил.

– Да нет, нормально все.

– Точно? – с тревогой переспросила Светка.

Я поморщилась, но ответила:

– Угу.

Из трубки понеслось облегченное:

– Фух. А то уж подумала, стряслось что, надо ехать выручать подружайку. У нас тут тоже небольшой сабантуй. Григора повысили, отмечаем безалкогольным шампанским.

– Почему безалкогольным? – машинально спросила я, уже уплывая мыслями к Кириллу, который каким-то удивительным образом испарился из квартиры, оставив обувь и верхнюю одежду.

Светка сообщила:

– Завтра ехать на дачу, а на дороге постов понаставили. Не хочется после повышения угодить в... ну, сама понимаешь, куда.

– Гм, да, – протянула я, все больше отдаляясь от трескотни подруги.

Прежде чем мы распрощались, она успела поведать о новой костюмной паре, которую купила на распродаже в шоуруме на Таганской, куда я непременно должна сходить. Также я узнала, что семейство Бугровых уехало отдыхать на Бали, безглютеновый хлеб подорожал, а в тренде короткая стрижка типа «пикси». Что такое это «пикси», я не представляла, но согласно мычала в трубку, пока, наконец, не вставила слова деликатного прощания.

Убрав телефон в карман джинсов, я потерла лоб. Звонок Светке ничего не сообщил. Точнее сообщил, что о Кирилле она ничего не знает.

– Далеко он уйти не мог, – вновь начала рассуждать я. – На улице морозяка и снег. Единственное, куда можно было деться в домашних тапочках, это зайти к соседу.

Я напрягла память, пытаюсь вспомнить, с какими соседями мы дружили. Напрягаться пришлось недолго, поскольку с соседями мы не дружили вовсе. Только здоровались иногда невнятно, если сталкивались на лестничной площадке. Едва ли Кирилл внезапно завел себе среди них друзей.

Однако других разумных объяснений не было.

Накинув пальто и сунув ноги в ботинки, я вышла на лест-

ничную клетку. В доме десять этажей, но, к счастью, постройка новая и заселены только несколько квартир на четвертом и десятом этажах. На седьмом жилая только наша.

Выдохнув, я вошла в лифт и спустилась на четвертый. Когда позвонила в дверь, ее открыла девушка в халате и с ребенком на руках. Ребенок размазывает по лицу детское питание, мамаша подкидывает его, стараясь взять удобнее, потому что детина немаленькая.

Она уставилась на меня ошалелыми глазами, так смотрят только замученные бытом люди, и сказала:

– Здрасте. Вам кого?

– Эм... – протянула я, слегка смешавшись. – К вам тут молодой человек не заходил? Высокий, черноволосый и с голубыми глазами.

Девушка окинула меня подозрительным взглядом.

– Проповедь какую-нибудь читать? – спросила она.

– Проповедь? – удивилась я. – Что? Нет. Это мой молодой человек. Вышел куда-то, найти не могу.

Лицо девушки сразу стало понимающим, а во взгляде появилось сочувствие. Она в который раз подкинула ребенка, который испачканными в детском питании пальцами полез ей в волосы, и сказала:

– Это они могут. Уйдет в магазин, а нет несколько часов.

Потом оказывается, с друзьями встретился, заболтался, я тут сижу, продукты жду. У меня стирка, глажка, уборка, готовка, а он с друзьями.

Я неловко улыбнулась, спешно придумывая, как поскорее распрощаться с ней и не слушать душеспитательные истории о бытовых драмах. Девушка продолжала рассказывать о тяготах семейной жизни, а я демонстративно косилась на лифт.

Спустя несколько минут ее вещаний, я проговорила громко, прерывая речь девушки:

– Спасибо большое. Мне пора. Если встретите Кирилла, так зовут моего парня, скажите, чтобы шел домой. Я его жду. Удачи в вашем нелегком деле.

И, развернувшись, поспешила к лифту. Девушка попыталась помахать мне, но одной рукой удерживать дитяню сложно, потому она лишь закивала, мол, да-да, и вам того же, заходите еще.

Посетив оставшиеся несколько квартир, в которых, к счастью оказались более спокойные жильцы, выяснила, что Кирк к ним тоже не заходил. Не нашла я его и на открытой террасе на десятом этаже, где общий балкон по периметру всего дома.

Глава 3

В квартиру вернулась в глубокой задумчивости. Кирилл нигде нет, одежду он не брал, телефон недоступен, а если бы стал доступен, мне пришло бы сообщение. Никто его не видел, никто, ничего не знает.

– Ну так просто не бывает, – проговорила я. – Не пошел же он на улицу в домашних тапках.

Мысль была дикой. Но я все же решила проверить и ее. На цокольном этаже есть продуктовый магазинчик, двадцать четыре часа. Чтобы в него попасть, надо выйти из подъезда, обойти вокруг клумбы метров двадцать, и лишь тогда попасть в магазин. А потом обратно. На морозе в пятнадцать градусов это не самое умное решение. А Кирилл человек умный.

Тем не менее, надела шапку, застегнулась и вновь спустилась.

На улице щеки и нос сразу защипало, глаза заслезились от холода. Я сунула руки в карманы и пробежала вокруг низенькой ограды к магазину.

Внутри тепло и пусто. Только одинокий продавец с растрепанной прической, подперев кулаком щеку таращится в экран смартфона. Когда увидел меня, встрепенулся и расплылся в дежурной улыбке.

– Добрый вечер, – поприветствовал он.

– Здравствуйте, – отозвалась я. – К вам не заходил молодой человек, брюнет с голубыми глазами? Вот такого роста и, возможно, в домашних тапочках.

Я подняла руку, показывая внушительный рост Кирилла, а продавец со странной растерянностью покачал головой.

– Никто не заходил часов с семи, – сообщил он. – Из-за мороза, наверное. Такой холод, все по домам сидят.

Я мазнула взглядом по прилавку с шоколадками. После этого стресса захотелось сладкого, но потом вспомнила, что дома лежат свежие пирожные, которыми лакомиться должны мы вместе с Кириллом. А вместо этого придется уплетать их одной, заедая нервотрепку.

– Спасибо, – поблагодарила я продавца.

Тот пожал плечами и заискивающе улыбнулся.

– Не за что. Брать что-нибудь будете?

Я покачала головой.

– Нет, спасибо.

Выйдя из магазинчика на мороз, сунула пальцы подмышки. Ощущение, что он час от часу все крепче, хотя прогноз, наоборот, передавал потепление. Но за нос хватает, а вокруг воротника образуется изморозь от дыхания.

На холоде мысли тоже чуть остыли, гнев спал, я попыталась вновь рассуждать логически.

– Так. К соседям не ходил, в магазин тоже. Пешком не ушел. Ой!

Удивляясь собственной глупости я встрепелась, взгляд метнулся к парковке, нашей личной, которую Кирилл исправно оплачивает, чтобы охраняли и не занимали места. Я надеялась не обнаружить там машину, что означало бы – Кир уехал, пусть и в домашних тапочках, без куртки. Но к досаде белая «Мазда» на месте, на капоте блестит снег, а на лобовом стекле отражается свет дворового фонаря.

Я тяжело выдохнула и, все еще таращась на авто, поплелась к подъезду. Когда подошла, на лавочке обнаружилась старушка, в которой с удивлением узнала ту, что сидела возле торгового центра. Все так же замотанная в платки, смотрит на меня пронзительными темными глазами, на лбу две глубокие морщины, возле глаз тоже. Такие бывают, когда человек много улыбается.

Но беседовать с незнакомыми бабушками настроения совсем не было, я заторопилась. Однако, когда проходила мимо, старушка проговорила:

– Холодно поди.

Пришлось замедлиться и ответить:

– Холодно.

– На улицу поди носа казать не хочется, – снова произнесла старушка.

Старомодная манера изъясняться меня не удивила – пожилые люди часто употребляют странные слова. Но от взгляда становилось не по себе, будто она пытается влезть в душу, хотя обмолвились с ней всего парой слов.

Я отозвалась нехотя:

– Ваша правда.

– Старым людям в такой мороз негоже на улице сидеть, – сказала бабуля и послала такой взгляд, что я даже отшатнулась. Сквозило в нем что-то необъяснимое, что обычно заставляет отворачиваться.

Поправив воротник, я покосилась на дверь и спросила, скорее из вежливости:

– А чего вы сидите тут, домой не идете?

– А куда мне идти? – вопросом на вопрос ответила старушка. – Вот и сижу здесь. Жду, кто бы покормил и обогрел.

Мне, наконец стало ясно. Бабуля все-таки просит подаяния, правда не совсем обычным образом. Видимо, шла за мной от самого торгового центра, а теперь, вот, села караулить.

Заниматься благотворительностью на ночь глядя казалось занятием сомнительным, особенно с какой-то непонятной бабулей. Поэтому сказала, едва удерживаясь, чтобы не хмуриться:

– Вы бы шли в социальный центр. Там и покормят, и тепло, скорее всего. Мороз крепчает.

Мне действительно не хотелось, чтобы старушка замерзла. Совсем не лицепрятно выйти утром и обнаружить возле подъезда на лавке заледеневший памятник.

Старушка вновь одарила меня испытующим взглядом и произнесла:

– Далеко до него. Не дойду уж.

Она явно пыталась разжалобить, при этом продолжая сверлить каким-то пронзающим взглядом, от которого по спине табунами пробегают мурашки. Я же безграничным альтруизмом не отличалась, хотя бабушку жалко. Но после того, как насмотрелась и начиталась ужасов о разного рода мошенниках, десять раз подумаешь, прежде, чем кому-то что-то оказывать.

– У вас что, родственников нет? – спросила я наконец. – Может позвонить кому? У вас есть телефон?

Бабуля пожала плечами.

– Нет тлехвона, – сообщила она. – Не выйдет позвонить.

Я пробормотала, чувствуя, как вновь начинаю закипать:

– Да что за...

Становиться нянькой для незнакомой бабули, которая свалилась, как снег на голову, тогда как должна всецело заниматься поиском Кирилла, так бессовестно и низко исчезнувшего из квартиры, крайне не хотелось.

Я скрипнула зубами и произнесла:

– Тогда я сама позвоню, за вами приедет соответствующая служба и доставит в... Куда скажете. Или куда нужно.

Бабка как-то странно посмотрела на меня и хмыкнула:

– Ну попробуй, позвони.

Выдохнув клубок пара, я вынула из кармана телефон и быстро зябнувшими пальцами набрала в поисковике запрос. Пока в интернете искала номер, они окончательно задубели,

набирала уже почти не чувствуя.

Пошли гудки, но, когда в динамке раздалось «Служба...», звук прервался. Я глянула на монитор, тот погас.

– Этого мне еще не хватало, – проговорила я рассерженно.

– Что, не работает телехвон? – с деланным участием поинтересовалась бабуля.

Я, стараясь не проявлять агрессию к пожилому человеку, ответила:

– От мороза разрядился, наверное.

– От мороза, от мороза, – поддакнула бабуля.

– Блин...

Все навалилось каким-то снежным комом. Торт, шампанское, Кирилл, бабуля, теперь еще и телефон. Я искренне не понимала, где так напортачила, от чего моя прекрасно запланированная годовщина пошла совсем не по плану. Только с пирожными все удалось.

Возникло острое желание подняться в квартиру, запереться и нарочно выключить телефон, запершись изнутри. Чтобы, когда Кирилл вернется, прочувствовал мой гнев.

Но бабулю оставлять на лавочке в мороз оказалось выше моих сил. В такой день не хотелось добавлять ещё больше проблем и засорять карму. С другой стороны, это совершенно незнакомый человек, пусть и пожилой, но я смотрю новости, знаю, как бывает.

И все же меня терзали сомнения. Желание развернуться и уйти боролось с неожиданно возникшей социальной ответ-

ственностью, которая вообще сейчас не вовремя.

– Блин... – шепотом повторила я.

– Хе-хе, – усмехнулась старушка, словно угадывала мои мысли

Почесав щеку, которая начала неметь от холода, я, наконец, проговорила:

– Так, бабуля, ладно. Давайте сделаем следующее: я сейчас вас возьму с собой и напою горячим чаем. Хотя мне это все очень не нравится. Обещайте вести себя прилично. Без всяких там... Ну вы понимаете. Когда поднимемся в квартиру, я немножко приду в себя. Тогда решим, что делать.

– Решим, – согласилась бабуля.

Я продолжила:

– Учтите, я с вас глаз не спущу. Просто совесть не позволяет оставлять пожилого человека в таком виде и в такую погоду на улице. Если уж вам действительно некуда идти. Вам ведь правда некуда идти?

– Правда-правда милая, – сказала старушка.

После этих слов она неожиданно бодро для ее возраста соскочила с лавочки и резво подошла ко мне.

– Ну что, милая, – сказала она, – где там твой этаж?

Я посмотрела на неё озадаченно. В целом старушка выглядела как самая обычная старушка, если не считать странного вороха платков вокруг головы, плеч и пронзительного взгляда, от которого становится не по себе.

И всё же я по какой-то неведомой причине согласилась

взять её к себе в квартиру. Никогда прежде я не делала ничего подобного, и теперь казалось, что всё происходит в каком-то полусне, особенно если учитывать остальное произошедшее. Объяснить себе поведение смогла лишь стрессом и поступком Кирилла, которому еще влетит, в том числе и за это.

По ступенькам бабуля поднялась тоже очень быстро. Я вновь удивилась, ее силе и энергии.

Когда вошли в лифт, она посмотрела на свое отражение. Показалось, что смотрит она слишком уж внимательно. Сдерживая смехок, ибо не понятно, чем можно любоваться в таком возрасте, я с любопытством обернулась.

И застыла. По спине прокатилась холодная волна.

В бледном свете лифта в зеркале, как в окне, кипят котлы, мелькают покрытые снежными шапками леса, какие-то лица, черные мантии... Я так отчетливо это увидела, что на секунду решила, будто вместо зеркала на стену лифта повесили экраны. Но эта мысль тут же отпала, когда вместе с котлами обнаружила отражение старушки. Та словно то ли не видит их, то ли делает вид.

Плечи вздрогнули. Пришлось быстро зажмуриться, лишь через несколько мгновений открыла глаза. Лифт снова стал просто лифтом, а я с облегчением выдохнула, решив, что это тоже от стресса.

Когда дверцы разошлись, я поспешила вывалиться на лестничную клетку. Бабуля последовала за мной.

– Ну, – сказала она, – где твоя хватира?

После картины в лифте, пускать ее в дом хотелось еще меньше. Самое время скрутиться в кресле под пледом, взять чай и звонить подруге, жалуясь на благоверного. Но сейчас разворачивать старушку уже совсем некрасиво.

Я указала на дверь, новую, недавно поставленную, затем приблизилась и отперла замок. В глубине души шевельнулась надежда, что Кирилл каким-то чудесным образом уже вернулся и даже не переживала, что он может быть недоволен, увидев за моей спиной незнакомую бабулю. Но когда оказалось внутри, буквально по воздуху поняла – квартира всё также пуста.

Скинув с себя пальто и ботинки я прошла в кухню и включила чайник.

– Проходите, бабуля, – сказала я, – только если вы какая-нибудь шарлатанка предупреждаю, у нас сигнализация. И я могу позвонить в соответствующую службу. Так что, если вдруг решите что-нибудь... В общем смотрите у меня.

Бабуля из коридора крикнула:

– Какие нынче все недоверчивые.

Я слышала, как она шуршит одеждой и платками, стягивая с себя ворох вещей, а сама, тем временем, включила чайник и достала две чашки. Обычно покупала крупнолистовой чай, но сегодня его почему-то не оказалось. Пришлось доставать пакетики.

Пока я наполняла чашки, бабуля уже оказалась в кухне и уселась на стул возле стены. В черном, похожем на монашеское, одеянии, в нижнем платке, из-под которого выбиваются седые, слегка вьющиеся волосы. Если раньше ее вид напоминал добрую бабулю с картин старой Руси, то теперь она больше походила на знахарку все с тех же картин.

– Неплохая квартирка, – сказала старушка, неожиданно научившись правильно выговаривать слова.

Я с опаской посмотрела на неё, ставя перед ней чашку с дымящимся чаем, и села на соседний стул.

– Да, – согласилась я недоверчиво, – неплохая. Не самая крутая, но всё-таки отдельная и наша.

– Ваша, это стало быть твоя и мужнина? – спросила бабуля.

Я кивнула и ответила нехотя:

– Почти. Мы с ним не расписаны. Но можно считать живем, как это называется... гражданским браком, кажется. Или не знаю, по-моему, раньше так называли как раз брак, который узаконили документально. В общем, не хочу в это вдаваться и рассказывать о личной жизни. Мы мало знакомы.

Бабуля многозначительно хмыкнула и взяла чай. Некоторое время она смотрела, как дымится вода, поднимается пар, словно пыталась что-то разглядеть.

Я наблюдала за бабулей также пристально, как она за чаем. Всё-таки приводить в квартиру незнакомых людей, пусть

и старушек, совершенно не в моём стиле. Внутри шевелилось какое-то непонятное беспокойство, какое бывает, если начинаешь делать что-то незнакомое. Хотя с первого взгляда бабуля не выглядела буйно помешанной или ещё кем, да и вряд ли пожилой человек может оказать сильное физическое воздействие. И всё же я не спускала с неё глаз. Телефон предусмотрительно поставила на зарядку, теперь он лежит на столе, мигая красными полосками.

Бабуля, наконец, отхлебнула из чашки, даже не поморщившись. Я вскинула брови потому, что в чашке кипяток.

– Ну вы даёте, – вырвалось у меня, – не горячо?

Старушка пожала плечами.

– Горячо, – сказала она, – но я как раз такое и люблю.

– Что, кипяток? – удивилась я.

Старушка кивнула и откинулась на спинку стула, будто этим глотком удовлетворила всю потребность в чае за день.

– Хорошо, – сказала она как-то нараспев и как-то по-кошачьи, что очень плохо сочеталась и её пожилым видом.

– Рада, что хоть кому-то хорошо, – пробормотала я.

Пожилая женщина прищурилась, еще больше напоминая старую кошку.

– А чего ты одна в такой вечер? – спросила она, и я снова ощутила взгляд, от которого становится не по себе.

– Вообще-то, – сказала я раздраженно, – это вас не касается.

Бабуля хмыкнула и вновь отхлебнула из чашки. Повисла

неловкая пауза. Хамить мне не хотелось, но позволять лезть в свою жизнь, особенно незнакомым людям, хотелось еще меньше.

Я тоже уткнулась в чашку, но пить не стала, для меня ещё слишком горячо. Вместо этого подула на воду и тоже стала разглядывать поднимающийся от поверхности пар. Кирилла всё ещё не было и где его искать не представлялось никаких идей, тем более телефон разряжен, куда звонить, куда идти и ехать – непонятно. Обида и досада шершавой змеей скребли душу, бессильный гнев рвался наружу, но не находил выхода.

Всё шло не по плану.

Глава 4

Некоторое время мы молчали. Я гоняла в голове мысли о Кирилле и переосмысливала день, который плохо укладывался в привычный. За окном гудят машины, а в приоткрытой на микропроветривание фрамуге свистит ветер. Я покосилась на улицу – даже в темноте видно, как метет снег.

Досада и обида на Кирилла все еще свербели, но теперь ко всему прочему присоединилось желание собрать его вещи и выставить к шутам за дверь, чтобы был ему урок. Я была уверена, если бы он сделал все, как просила, никакого конфликта не случилось бы.

Мысль показалась такой трезвой, что отхлебнув, наконец, из чашки, я поставила ее и решительно поднялась.

Бабуля, продолжая смотреть на меня, как старая, умудренная жизнью кошка, произнесла вдруг:

– Шершавая ты, колючая.

Я изумленно вскинула брови.

– Вообще-то, я вас в свою квартиру погреться пустила. Чего вообще никогда не делала. И сейчас, если честно, не до конца уверена, что это правильно, – сообщила я. – Вы уж как-нибудь без оскорблений.

– Где ж оскорбления-то? – воскликнула она. – Факт!

От слов незнакомой старушки во мне вновь стало заки-

пать то, что с таким трудом удалось хоть немного придавить. Шумно выдохнув, я шагнула к коридору с намерением выставить нахальную гостью если не на улицу, то в подъезд. Там тоже тепло, но так она хотя бы не будет донимать меня нравоучениями, а я не буду переживать, что она что-нибудь стащит.

– С меня хватит, – резко сказала я, – зачем я вас вообще пустила. Дичь какая.

Я занесла ногу для шага, бабуля вдруг сказала четким и совсем нестарческим голосом:

– Шершавая. Негибкая. И мужик от тебя запропал.

Я встала, как вкопанная. От этих слов по коже прокатилась легкая волна дрожи. Можно было допустить, что бабка просто ткнула пальцем в небо, но странное совпадение отозвалось в груди тяжелым уханьем.

– Что вы сказали? – переспросила я. – Что значит, запропал?

– То и значит, милья, – отозвалась бабка, вновь делая глоток из чашки, которая уже не дымится. – Пришла в хватуру свою, а его и нет. Так?

Я уже откровенно тарасилась на старуху. В голове с бешеной скоростью сменялись варианты, как могли разворачиваться события. Способна ли бабка в одиночку похитить моего Кирилла, как она проникла в квартиру... Взломали замок? Или же она, как и со мной, надавила на жалость, хитростью проникла внутрь, а затем...

– Это вы устроили? – выпалила я, резко подойдя и упершись ладонями в стол. – Вы его похитили? Хотите, чтобы я заплатила? Имейте в виду, я не поведусь на провокации и буду обращаться в полицию! Как вас зовут? Отвечайте!

Мои же слова показались глупыми и наивными. Спрашивать имя, паспорт или другие документы надо было прежде, чем пускать подозрительную и незнакомую бабку в дом. Угрозы полицией тоже выглядели не убедительно, но я не успела подумать, что делать.

Бабка тем временем продолжала смотреть на меня, и в глазах читалось явное снисхождение. Она поставила чашку и поковыряла мизинцем в зубах, которые, к слову, оказались на удивление ровными и белыми.

– Ну здрасте, – сказала, она. – Сама мужчину отправила, а меня винит. Вот она, молодежь. Запалу много, да направление не то.

– Вы мне зубы не заговаривайте! – срываясь на крик, сказала я. – Что вы с ним сделали? Я вам...

– Лично я с ним ничего не делала, – очень спокойно сообщила бабка, – хотя парень он красивый. Угу. Только ты сама все сделала, милая. Сама.

– Что-о?

– Ха, сначала отдают ледяным королевам, а потом удивляются, – проговорила бабка отстраненно.

Меня трясло, и я даже не пыталась скрыть дрожь. Пальцы сжимались от желания вцепиться в воротник нахальной ста-

рушонке и трясти до тех пор, пока не признается, куда дела моего Кирилла.

Я покрутила головой, в поиска скалки или молотка для отбивки мяса, чтобы выглядеть убедительней. Но бабка неожиданно подалась вперед, ее сухая и морщинистая ладонь накрыла мою. Я дернулась, в попытке вырваться, но показалось, бабкина рука весит тонну. Лицо старухи стало суровым, седые брови надвинулись на глаза, которые сверкнули как-то недобро, в воздухе повеяло тревогой.

– Пустите, – выдохнула я.

Но бабка надвинулась еще сильнее, и я даже ощутила ее странный запах, похожий на смесь вереска и сырой земли. От него в груди заворочался животный страх, необъяснимый и дикий.

Она заговорила четко и быстро:

– Значит слушай меня, Мирослава. Ты была добра ко мне в морозную ночь, и я подсоблю тебе. Хотя во всем виновата ты сама. Нечего было благоверного своего добровольно отдавать. Но ты незлая. Грубая и резкая, но незлая. Потому слушай. Кира твоего забрала одна колдунья. Сложная она баба, скажу я тебе, но самолюбивая и хитрая. Так что искать тебе его надо у нее.

Я слушала этот бред и чувствовала, как от него на затылке шевелятся волосы. Она выглядела такой убедительной, что будь я хоть немного внушаемой, поверила бы.

Сглотнув, наконец, удалось вырвать руку из ее цепкой

хватки, я выпалила:

– Что вы несете? Откуда знаете мое имя и имя Кирилла?

Бабка всплеснула руками.

– Тьфу, – выдохнула она. – Я ей про дело, а она про пустяки. Ты меня слышала вообще, бараница ты упертая? Кирилла по твоей же просьбе забрала колдунья, ледяная колдунья. Это ты понимаешь?

Уверенность, что я пригласила в дом полоумную, которая, скорее всего, еще и связана с какой-нибудь группировкой мошенников, крепла с каждой секундой. Я нервно покосилась на телефон, который должен уже подзарядиться, и можно позвонить в службу спасения. Главное, успеть прежде, чем бабка перехватит меня. В то, что она на это способна, уже не сомневалась.

Она проследила мой взгляд и закатила глаза.

– Нет, ну что за твердолобость, – сказала она, откидываясь на спинку стула. – Ну и ладно. Я хотела отплатить за добро. Но раз тебе не надо, сама выпутывайся, ищи своего благоверного. Только знай, в городе его нет.

Бабка поднялась и развернулась с явным намерением уйти. Этого я позволить не могла.

Едва не опрокинув чашку, которую поставила на самый край стола, я кинулась ей наперерез и перегородила дорогу. Ростом она ниже меня, но, несмотря на это, когда ее взгляд поднялся, захотелось съежиться и укрыться толстыми одеялами.

Во рту пересохло от стресса, который все никак не закончится, но все же я сказала:

– Куда это вы собрались? Я вас просто так не отпущу! Я буду звонить в полицию!

– Экая дурная девка, – со вздохом произнесла бабка.

Ее глаза сверкнули, а в следующий момент передо мной оказалась пустота. Вернее, пустая кухня с двумя чашками чая на столе. Я оторопело моргала ресницами, пытаюсь осознать, куда делась бабка, но происходящее как-то рассекало реальность. Единственное, что казалось правдоподобным – я сплю. Или еще хлеще – меня подвергли гипнозу и теперь я галлюцинирую бабками.

– Чего ищешь? – раздался голос из-за спины.

Я резко обернулась. Бабка стоит возле вешалки с одеждой, сложив руки на груди, и с легкой насмешкой щурится.

– Как вы это... делаете? – прилипающим к небу языком спросила я и стала шарить рукой, чтобы упереться в стену. Мир вдруг потерял границы, превратился в чужой и непонятный.

Бабка отмахнулась.

– Не об том спрашиваешь, милая, – сказала она. – Я тебе снова повторяю, Кирилл твой не ушел в домашних тапочках гулять в мороз. И к друзьям не поехал. Я его тоже не умыкала. Хотя... Будь я лет на сто моложе, может и попытала бы счастье, хе-хе. Понимаешь меня? Ты меня слышишь? Ау?

В голове пульсировало, в ушах шумело, бабка стала ка-

заться каким-то нереальным существом из фантастических фильмов.

– Эй, Мирослава? Слышишь меня, говорю? – повторила она.

Я, наконец, нащупала спинку стула и опустилась на него, нервно сглатывая.

– Слышу....

– Слова мои понимаешь? Или повторить? – вновь спросила старуха, чуть подаваясь вперёд и выказывая неохотное беспокойство.

Уставившись в пол, я потерла лоб, пытаюсь разогнать кровь и включить логику. Но она свернулась калачиком где-то на задворках сознания и настойчиво молчит – только сердце ухает и дрожат пальцы.

– Не понимаю, – пробормотала я и подняла обалдевший взгляд на бабуку. – Ничего не понимаю...

Та цокнула и проговорила с нетерпеливым вздохом:

– Какая тугодумная. Ладно. Давай сначала и по порядку. Так пойдет?

Я растерянно кивнула, а бабука продолжила:

– Значится, сегодня ты стояла в очереди, ругалась с людьми. Затем вышла на улицу и ругалась с благоверным. Было такое? Не моргай блымкалками, было. Сама видела. Среди прочего, ты сказала, что милому твоему лучше встречаться с ледяной королевой. Чего смотришь? Скажешь, не говорила?

В голове всплывали картины сегодняшнего вечера, а в груди шевелилась какая-то жуть, та самая, которая не дает детям зайти в темную комнату. Я понимала, бабка все это могла подслушать, но то, как она исчезла передо мной и образовалась у двери приводило в тихий ужас.

– Г-говорила, – пролепетала я.

Бабка облегченно выдохнула.

– Фух, – сказала она. – Думала, сейчас отпираться начнешь. Так вот. Такие словеса лучше не говорить. Особенно зимой, в такой морозяку. Да и вообще за словесами надобно следить. Видать колдунья истосковалась по мужикам, ежели умыкнула твоего. Ну как, умыкнула. Ты его сама отдала. Так что полиция тут не сподможет тебе. Уразумила?

Услышанное все еще казалось бредом. Бредом старухи, которая тронулась умом из-за скитаний и одиночества. Если отмести тот факт, что она чудесным образом исчезла и материализовалась, история притянута за уши, такое можно придумать, просто понаблюдав за людьми. И никакой мистики. Нужно просто позвонить в полицию. И вызвать скорую, чтоб оценили ее психическое состояние.

Я вновь растерянно покосилась на мобильник. Старуха проговорила раздраженно:

– С моим психическим состоянием все в порядке. Если не считать нервотрепки, которую устраиваешь мне ты. Вот и плати потом добром на добро. Я ей помочь пытаюсь, а она полицию на меня вызывать собирается. Некультурно это, ба-

рышня.

Я вытаращи́лась на нее в который раз. Если про торт и ругань по телефону можно было еще подслушать, то как она узнала мои мысли, оставалось непонятным. И это приводило в ужас еще больше.

– Кто вы такая? – наконец спросила я, в глубине души надеясь вернуть контроль над ситуацией.

– Хоть какой-то нормальный вопрос, – пробурчала бабка. – Но не своевременный. Я уже помогла всем, чем можно. Другая тебе нужна помощница.

С силой потерев лицо, я сделала несколько вдохов, пытаюсь хоть как-то осознать реальность.

– Что все это... Что происходит? Кто вы? – снова повторила я нервно.

– Вот заладила, – буркнула бабка. – Ну, положим, я бабка Лукерья. Но тебе это не к чему. Мужчину свою возвертать хочешь?

– Хочу... – растерянно произнесла я.

– Тогда тебе за ним надо, – ответила бабка.

Я спросила еще более растерянно:

– Куда?

– А вот это правильный вопрос, милья, – сообщила бабка Лукерья. – Кир твой далеко, в зимнем лесу. Или еще в чем-нибудь зимнем. Я помочь туда попасть не могу. Но есть такие, кто могут. Они проходы меж мирами охраняют. Вот к такой тебе надо.

Мысли в голове путались. Передо мной какая-то бабка, которая рассказывает о ледяной колдунье, зимнем лесе и других мирах, что не вяжется с реальностью, где есть метро, интернет и смартфоны. Но ее перемещение и странную способность угадывать мысли тоже игнорировать не могла.

Пошарив ладонью по столу, я цапнула свою чашку и в несколько глотков выпила остывший чай. Жидкость чуть охладила внутренности, думать стало чуть легче.

– Вы хотите сказать, что... – проговорила я и чуть запнулась, подбирая слова, – Вы вообще понимаете?.. Вы... вы про магию?

– И про нее тоже, – кивая, согласилась бабка.

– Но это абсурд... – проговорила я, тараща глаза. – Её не существует...

– Абсурд сидеть и трындеть со мной, когда надо действовать, – отозвалась старуха.

Что делать в таких ситуациях в школе не учили. Везде наоборот, упорно рассказывали, что мир материален, всякие знахари и колдуны – чистой воды шарлатаны, и ничего такого быть не может. И я растерянно моргала, даже не представляя, как реагировать.

– И что вы предлагаете? – спустя несколько минут, смогла выдать я, не придумав ничего лучше, чем вырабатывать план действий походу дела. Очень странного и не укладывающегося в рамки разумного.

Бабка покачала головой и посмотрела на меня, как на са-

мое никчемное существо, каких видела в жизни.

– Кирилла возвернуть хочешь? – спросила она.

– Хочу, – честно ответила я.

– Тогда тебе нужно к яге.

Я даже удивиться не смогла, так безумно прозвучали ее слова.

– К кому?

– К яге, – повторила старушка. – Их не так много в мире.

Но тебе повезло. Одна есть, условно неподалеку. За городом в одном из лесов. Только дом ее сокрыт. Чтоб всякие не шастали, сама понимаешь. Я тебя направлю к ней, скажешь, от Лукерьи. Она знает меня. Ты ей свое дело изложишь, а она уж решит, чего делать.

За окном вновь подвыл ветер, нагоняя еще больше мистики, от сквозняка закачалась люстра, которую все хотела сменить на более эргономичную. Я сидела и соображала, как все это вообще вышло, откуда взялась бабка, читающая мысли, мог ли Кир действительно оказаться в лапах некой ледяной колдуньи, и как это все воплести в реальность.

– Вы что же, предлагаете мне отправиться к Бабе-Яге? – через некоторое время оторопело спросила я.

Бабка облегченно выдохнула и ответила:

– Ну, наконец-то. Дошло. Только мой тебе совет: бабой ее не называй. Не любит она этого.

– Эээ...

– Готова?

Я испуганно встрепелулась и вцепилась в край стола.

– Что? К чему готова?

– Да не трясись так, – успокоила бабка, но от ее прищуря спокойствия не прибавилось. – Одевайся.

Она смахнула с вешалки мое пальто и кинула мне, я едва успела поймать. Затем пнула мои ботинки.

– Что? – запинаясь, выдавила я, не веря, что делаю это и не веря в происходящее. – Прямо вот так? Сходу?

– А чего тянуть лешего за... Гм, не важно.

Подрагивающими руками я, прямо сидя, натянула пальто, шапку и сунула ноги в ботинки. Бабка стащила с вешалки один из платков и протянула, я опасливо отпрянула, а она произнесла:

– Бери-бери, за городом холодно. А ваши новомодные одёжи только по телевизеру показывать. Не греют.

Пришлось согласиться и принять платок. Он оказался мягким и пушистым. Но надевать его не решилась, вместо этого сложила и убрала в карман, благо он это позволяет.

Старушка тоже успела замотаться в свои шали и стоит, выжидающе глядя на меня.

– Ну? – сказала она.

– Чего «ну»? – глупо отозвалась я.

– Долго сидеть будешь? Или думаешь, я тебя на руках понесу? Делать больше мне нечего, такую кобылу таскать.

На кобылу я не обиделась потому, что на самом деле стройная и вовсе не кобыла. К тому же это меньшее, что ме-

ня сейчас беспокоит. Поднявшись, осторожно, словно бабка может сию минуту обратиться в дракона или вурдалака, приблизилась.

– И что дальше? – спросила я.

– А дальше вот что, – отозвалась бабуля и, широко разведя руки, с силой хлопнула в ладоши.

Глава 5

Раздался оглушительный грохот, я зажала уши ладонями и зажмурилась, но даже сквозь опущенные веки видела, какое снаружи светопредставление. Что-то мелькало, свистел ветер, норовя сорвать с меня одежду и волосы, меня кружило и переворачивало, будто я на диком аттракционе в лунопарке.

От ужаса я даже не могла кричать, все мое существо сопротивлялось происходящему, тем не менее оно происходило. Сложно не верить во что-то, если это что-то кувыркает тебя и мчит сквозь ураган.

Потом меня бросило в мягкое и холодное, не сразу поняла, что это снег. А когда, наконец, дошло, свистопляска прекратилась и на мир опустилась тишина. Прележав в снегу лицом до тех пор, пока щеки стало нестерпимо колоть, я все же решила подняться и открыть глаза.

Сперва ничего не поняла. Вокруг темнота, лишь снизу слабое белое свечение, в котором тоже с запозданием признала снежный покров. Он застелил все вокруг, прерываясь частыми черными деревьями.

В груди ухнуло от осознания, что я каким-то образом оказалась зимой в лесу. Нервно сунув пальцы подмышки, заозиралась, спешно застегивая верхние клепки пальто.

Когда обнаружила справа старушку, невольно испытала облегчение. Та сцепила на животе пальцы, как смиренная матрона, и чему-то кивает.

Я проговорила враз охрипшим голосом:

– Вы как... Это... Где я?

– Значится, тебе сейчас прямо по вот этой дорожке, – проигнорировав вопрос, сказала старушка. – Тебе повезло, её не замело. Так что поспешай.

Шмыгнув замерзающим носом, я проговорила:

– Да как же... Куда мне? Почему я должна идти?

– Да какая же ты тугодумная, – начала вновь сердиться бабка. – Вызвалась к яге идти? Вот и иди к яге. По тропинке, тут недалеко. Мне дальше не положено.

Случившееся со мной не вписывалось в теории материализма, эволюции и разных других теорий, отрицающих наличие тонких материй в мире. Но холодящий щеки снег, зябнущие пальцы и замерзающие стопы в ботинках, не предназначенных для хождения по снежному лесу оказались весьма убедительными.

Нервно прочистив горло, я покосилась на тропинку, которая больше похожа на неглубокую впадину под снегом.

– Не положено? – спросила я перехваченным голосом. – Мне что, одной туда?

От мысли, что придется ломиться ночью, зимой через лес по телу прокатились волны паники, пульс участился, меня мелко затрясло.

Старушка кивнула.

– Одной, – сказала она. – Но ты не бойсь. Тут спокойно. Всё-таки дом яги рядом. Никто не посмеет здесь бесчинствовать. Разве что звери охотятся. Но это их законное право, сама понимаешь.

– Как раз они меня и беспокоят, – отозвалась я нервно.

О том, что здесь попросту можно околеть, промолчала, бабка и так смотрит на меня, как на тлю, неспособную принимать решения. Хотя всю жизнь как раз и доказываю обратное – работаю, как вол, руковожу и не даю никому спуска.

– О зверях беспокоиться не надо, – заверила бабка, – они сами о себе побеспокоятся.

– Не сомневаюсь, – проговорила я под нос и вновь глянула на тропинку.

Глаза успели привыкнуть к полумраку, теперь он не кажется таким непроглядным, деревья и кусты обрели ясные очертания, даже извилины на коре смогла разглядеть. В небе за тучами мелькает половинка луны, если бы небо было чистым, видимость оказалась бы куда лучше. Но черные облака, как назло, ползут медленно, словно сытые и неповоротливые черепахи.

– Сюда бы фонарей с нормальными лампами, – сообщила я на автомате, оборачиваясь к бабуле.

Но обнаружила, что на месте, где она стояла, только два неглубоких следа.

– Бабуля? – позвала я.

Никто не ответил. Секунду я таращилась на снег, а потом осознание, что осталась посреди зимнего леса, ночью, совершенно одна, накатило девятым валом, в груди бухнуло и застучало так сильно, будто сердце решило выпрыгнуть из грудной клетки. Мелкая дрожь превратилась в крупную, я застучала зубами, вытаращив глаза и чувствуя себя кроликом на собачьей охоте.

Неожиданно стало казаться, что за каждым деревом кто-то притаился и наблюдает, только и выжидая момент, чтобы напасть. Страх и ужас на несколько мгновений сковали, но, когда где-то от мороза скрипнул ствол, я вспикнула и сорвалась с места по тропинке.

Тропинкой ее действительно называли слишком громко. Возможно, когда она там была, но сейчас засыпана снегом, ноги вязнут местами почти до колен.

Однако меня это волновало в последнюю очередь. Адреналин подпрыгнул так, что, наверное, плещет из глаз. Часто и шумно дыша, я ломилась сквозь лес, надеясь лишь на то, чтобы бабка не обманула, и дом этой непонятной яги действительно существует, потому что даже не представляла, куда идти, если это не так.

Каждый скрип ствола приводил в ужас, от которого бежала еще быстрее. Под одеждой все взмокло, шея и голова тоже вспотели, я с запозданием поняла, что останавливаться противопоказано – на морозе быстро захохочу, и тогда вообще пиши пропало.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда уже от усталости готова была рухнуть в снег, черные деревья расступились, и передо мной раскинулась поляна, в центре которой вполне приличный дом. На дом яги он походил меньше всего – добротный, высокий, с металлопластиковыми окнами, террасой и металлочерепичной крышей бордового цвета, которую предусмотрительно очистили. Чуть поодаль от дома покоится сугроб в форме автомобиля. Видимо, засыпало снегом, но его очищением никто озадачиваться не стал.

В одном из окон желтоватый свет.

Я испытала одновременно облегчение и напряжение. С одной стороны, одна среди деревьев я не останусь, с другой – непонятно, что там за люди. Но это все равно лучше, чем замерзать в лесу. Может бабка все перепутала, может нет никакой яги, а мое чудесное перемещение можно объяснить нормальным, логическим способом. Возможно даже, я в какой-нибудь деревне и нужно лишь чуть пройти, чтобы выбраться к станции, сесть на электричку и уехать в Москву.

Пусть даже зайцем.

В мои размышления настойчиво вторгался мороз, хватал за пальцы, нос и щеки. Пришлось отметить, платок бабули, который успела накинуть на плечи, пока бежала по сугробам, оказался очень кстати и греет не хуже современного дутого пальто. Но без движения я стала быстро замерзать.

– Давай Мирослава, вперед, – подбодрила я себя и двинулась к дому.

Преодолев заснеженную поляну, я взшла на террасу и остановилась у двери, прикидывая, как лучше представить-ся. Вряд ли пожилой человек обрадуется гостю среди ночи.

Не придумав ничего лучше, чем просто позвонить, я поискала взглядом звонок. Вместо него обнаружила шнурок справа от двери.

Пожав плечами, дернула. Из дома раздался гулкий звук, словно зазвонил гигантский колокол. Я замерла, не представляя, что будет дальше и как себя вести. Плана не было, оставалось действовать по обстановке, я это всегда не слишком жаловала.

Пряча пальцы подмышками и кутаясь в бабкин платок, я терпеливо ждала, потому что больше надеяться не на что. Наконец показалось, в доме послышалось шевеление, какие-то шаги. Они приближались, а я застыла, даже думать не позволяя себе о том, что увижу, чтобы не нарушать и так стремительно меняющуюся картину мира. Очень хотелось найти тихий уголок и крепко обо всем подумать. Но теперь даже не представляла, когда такой уголок найдется. А когда шаги остановились у самой двери, даже дыхание затаила, застыв и вытаращив глаза.

Послышалось чирканье замка, затем створка медленно поползла в сторону. На полу появилась полоска света, и чем больше она становилась, тем сильнее стучало в груди. Взгляд мой приковался к домашним тапочкам, надетым на чьи-то ноги, и пополз выше, сперва по фиолетовым штанам пижа-

мы из флиса, затем кофте, потом строгому лицу, которое принадлежит девушке, на вид немногим старше меня. Глаза пронзительно голубого цвета, черные, как деготь волосы рассыпаны по плечам и свисают до пояса, лишь на самых кончиках белые. Видимо, когда-то она их красила в блонд.

Девушка сложила руки на груди и произнесла:

– Я же просила, не ночью. Не присылать никого ночью.

Что за люди...

Оторопело похлопав ресницами, я сглотнула и спросила неверяще:

– А вы... что...

– Ну?

– Вы... баба...

Глаза девушки сверкнули, как аквамарины, брови сдвинулись, придавая молодому и вообще-то очень красивому, лицу суровость.

– Что-что? – грозно спросила она.

Запоздало вспомнив слова старухи, я проговорила поспешно:

– Я хочу сказать... Я не... Я вообще где?

Девушка секунду изучала меня неподвижно, словно сканировала рентгеном, затем, все так же хмурясь, выдохнула и покачала головой.

– Тебе разве не сказали? – спросила она. – Отправляют, а сами не говорят, куда и зачем. Вот она, хваленая система коммуникации Круга. И Бирнан еще со мной спорит. Нет вы

посмотрите!

Она обернулась куда-то в комнату и крикнула:

– Слыхали, они опять вводят в заблуждение народ.

Из глубины донесся скрип половиц, девушка чему-то ухмыльнулась, будто у нее в ухе гарнитура и лишь ей слышно собеседника, затем повернулась ко мне.

– Итак, – сказала она. – Как звать? Кто прислал? Зачем?

Я тарасилась на нее во все глаза, пытаюсь понять степень вменяемости девицы, которая живет на отшибе, по всей видимости на даче. Но, выбирая между снежным лесом и теплым домом, пусть и со странной хозяйкой, выигрывает явно второе.

Решив, что собралась с духом, я проговорила:

– Я Мирослава. Не знаю, как сказать... просто все может показаться странным, не сочтите за бред. Хотя я и сама неуверена...

– Ты стоишь на пороге яги, – прервала меня девушка, – куда еще страннее. Выкладывай, Мирослава. Заходи и выкладывай. Нечего там мерзнуть. Сегодня вообще удивительно морозная ночь.

Она чуть отошла в сторону, пропуская меня в дом. С опаской я перешагнула порог. Едва сделала это, меня окутало тепло и уют, пронизывающий холод остался позади, словно невидимая черта отсекает мороз и не пускает его внутрь.

Девушка указала на коврик у входа и вешалку.

– Разуваться тут, одежду можешь оставить здесь. Расчех-

ляйся и приходи в кухню. Чаю налью. Кухня там.

Она кивнула налево в сторону широкой арки, из которой льется желтоватый свет, доносится тихий шум и бульканье. Затем развернулась и скрылась в ней.

Я быстро скинула с себя сырую от снега и пота верхнюю одежду, освободилась от ботинок, с удивлением обнаружив, что в доме этой яги теплые полы. Когда вешала пальто, заметила справа в кованой стойке метлу помелом вверх и еще три пустые ячейки.

Первым порывом было прикоснуться, потрогать, но здравый смысл остановил. Поправив кофту и подтянув джинсы, я прошла в кухню и скромно встала возле дверного косяка.

Кухня оказалась большой и антуражной. Стены выложены камнем, с потолка свисают пучки трав, чеснока, яблок и других сушек. Слева полыхает огромных размеров очаг, в котором, ни много ни мало, висит котел на треноге. Рядом кресло качалка с пледом, прямо как в сказках. Слева деревянный стол, вокруг три табуретки, причем все разные. Впереди под широким окном во все это великолепие встроена современная кухня с индукционной плитой, мойкой и духовкой.

Видимо девушка, именующая себя ягой, заметила мой взгляд.

– Думаешь, я тут только лягух в принцев превращаю? – спросила она.

Я растерянно покачала головой.

– Да я не...

– Ладно, не бойся, – сказала она отмахиваясь и подошла к котлу. – Проходи, садись, сейчас чай будет.

Я робко пересекла комнату и опустилась на краешек стула. Выросшая на сказках и кино, дом яги, если это действительно она, представляла по-другому. Маленькая избушка, куриные ноги, частокол, на котором синим сияют глазницы черепушек. Здесь же тепло, уютно и даже электрический чайник, который вот-вот закипит.

Девушка тем временем достала откуда-то внушительный черпак и помешала им в котле. Послышалось бульканье, девушка сосредоточенно заглянула внутрь, что-то пробормотала. С поверхности взвился дымок и рассыпался зеленоватым облачком. На губах яги появилась удовлетворенная улыбка.

– Так-то лучше, – проговорила она. – А то говорят, не работает, не работает... Они просто не умеют этим ямайским перцем пользоваться.

Затем обернулась ко мне. В этот же момент кресло скрипнуло и закачалось, словно в нем кто-то сидит. От неожиданности я вздрогнула, даже думать себе не позволяя, отчего оно пришло в движение, а девушка произнесла строго:

– Герман, прекратить пугать клиента. Иначе отправишься на чердак цепями греметь.

Кресло качаться моментально перестало, плед свалился на пол.

– Вот только не надо сцен, – проговорила девушка и, по-

дойдя к креслу, вернула плед на место. – Ты вообще живешь у меня задаром. И, если не забыл, я тебе жизнь, то есть смерть, спасла. Можно и поприличней себя вести. Все, не канючь. И не мешай.

Под моим в конец ошалевшим взглядом она прошла к чайнику и налила кипяток в большую чашку. Затем поковырялась в шкафу и, достав оттуда банку, сыпанула щепотку травы в воду.

– Подожди немного, – наказала она, поставив чашку передо мной. – Кипяток не пей. Это Лукерья любит, чтоб пузырилось.

Я встрепенулась, услышав знакомое имя во всей этой неразберихе.

– Лукерья! – вырвалось у меня.

– Знакома с ней? – почему-то не удивившись, спросила девушка-яга.

Едва сдерживая волнение, которое почему-то всколыхнуло все тело, я проговорила, кивая:

– Да! Да! Это она меня сюда забросила! Сказала, сообщить, что я от нее. От Лукерьи!

Девушка-яга что-то невнятно промычала и шевельнула бровями, мол, ага, понятно. Затем села на другой стул и, растопырив ноги, уперлась ладонями в его край.

– Так, – проговорила она, спустя несколько мгновений. – Лукерья, значит. И чего она тебя сюда загнала? Мой дом находится не просто за городом, а как бы совсем за. Просто

гуляя по лесу на ту тропинку не попасть. Понимаешь?

Она испытующе посмотрела на меня, я поспешно закивала, хотя эта девушка наверняка знает, когда ей говорят неправду.

– Понимаю, кажется...

– Это хорошо, – произнесла она. – Не люблю праздных зевак. А Лукерья может шутку выкинуть. Шутница она, в общем. Ты, надеюсь, не поглазеть пришла, а то мигом напою, забудешь, где была.

Забывать ни о чем я вообще не любила, тем более о таком. Замотав головой, сказала:

– Нет, я не из этих. Если честно, я все еще с трудом понимаю, что происходит, но, похоже, других вариантов нет.

– Не сталкивалась с потусторонним, – скорее утверждая, чем спрашивая, произнесла девушка-яга.

Я вновь кивнула.

– Даже представить себе не могла, что оно есть... Какое потустороннее?.. У меня в кармане смартфон последней модели, голосовые помощники, и еду доставляют прямо домой. Хоть и не отовсюду.

Девушка хмыкнула и произнесла понимающе:

– Могу представить твое смятение. Но мир таков, что места в нем найдется многому. Впрочем, это все лирика. Говори, что такого стряслось, если бабка Лукерья тебя зашвырнула к дому охранительницы границ.

Чай перестал дымиться, и я отхлебнула для храбрости. По

телу мигом прокатилась теплая волна, остатки холода испарились, показалось даже, одежда высохла. Логика говорила, что это все какая-то несусветная дичь, так не бывает и нужно просто разложить все по полочкам, чтобы найти рациональное объяснение. Вся загвоздка заключалась в том, что сложно раскладывать на полочки, когда они вдруг обратились в зайцев и разбежались. Примерно так и выглядел сейчас мир, стремительно теряющий материальные постулаты, границы и всякое нормальное определение.

Вариантов не было. Я сделала вдох и выложила девушке-яге все, как на духу, начиная с магазина с тортами.

Глава 6

Девушка-яга слушала меня очень внимательно, глядя куда-то в пол, словно детально представляет все, что говорю. Сама не заметив, я вошла во вкус и вещала, как у психолога на приеме, перейдя уже от вечернего происшествия к другим событиям. Рассказала о том, как трудно сражаться за карьеру в мужском коллективе, как приходится вечно доказывать свою состоятельность, как не даю спуску никому, а люди оскорбляются. Словесный поток лился из меня, как горная река во время половодья. Когда закончила, ощутила неожиданное облегчение, словно сняла с себя вековой груз.

Лишь тогда вспомнила, что говорю с чужим человеком и сконфужено замолкла, ожидая реакции собеседницы.

Некоторое время девушка молчала, продолжая изучать ламинат. Очаг потрескивает поленьями, на металлической пластине перед ним играют отблески огня, из котла время от времени выпрыгивают зеленоватые капельки и с шипением падают на пластину. Меня даже стало убаюкивать эта умиротворенная обстановка, я зевнула.

Яга подняла на меня взгляд, глубокий и задумчивый.

– Занятно, – произнесла она.

– Что это означает? – спросила я восторженно.

Она поднялась и вышла из кухни. Наклонившись, я за-

глянула в арку. Девушка-яга остановилась возле огромного шкафа с книгами в зале, дверцы распахнуты, а она скользит пальцами по корешкам переплетов. Некоторое время она что-то искала, затем с удовлетворенным хмыканьем ухватила один.

Послышался шелест страниц. Развернувшись с книгой на ладонях, которая самостоятельно переворачивает страницы, она, уткнувшись в них, двинулась обратно в кухню.

– М... Угу... – вновь промычала она, остановившись у стола.

– Что? – нетерпеливо спросила я, уже не пытаюсь искать рационального и логического.

Пару секунд она продолжала глазеть в страницы, затем голова поднялась, взгляд устремился на меня.

– Все ясно, – сообщила девушка. – Так и думала.

Недомолвки меня всегда раздражали, а сейчас вообще свербело, но выражать недовольство в доме этой девушки не решилась. Хотя хотелось.

– Вы можете объяснить, куда он подевался? – терпеливо спросила я.

Она кивнула.

– Могу. И объясню. Только ты сперва скажи, мне так, для проформы и дополнительных фактов, снег какой-нибудь дома был? Или лед? Или что-то, ну, снежное.

В голове тут же всплыли морозные узоры на металлопластиковом окне, я выпалила, едва не подпрыгнув:

– Было! Было! Окно заледенело. А не должно по определению. Думала бракованное.

Девушка со вздохом покачала головой и произнесла:

– Не бракованное. Удивительно, что только оно заледенело.

– Снежок еще был, – добавила я.

– Хе, – усмехнулась она, – снежок. Радуйся, что не засыпало всю квартиру. Он бы растаял, а соседей бы затопило. В общем, слушай, Лукерья тебе, полагаю, уже говорила про ледяную колдунью?

Я быстро закивала, хотя глубоко внутри все еще надеялась, что дело примет более нормальный и объяснимый оборот.

– Говорила, – сказала я со вздохом.

– Так вот, – продолжила девушка-яга, – таких, как она не одна. Но все они должны соблюдать правила Круга ведьм. И, соответственно, выполнять условия стороны, которой принадлежат. Особо не вдавайся, я так, для общего образования.

Не совсем понимая, для чего мне эти сведения, я спросила:

– И что с этим делать? Этот Круг может как-то заставить ее вернуть моего Кирилла?

Девушка подняла указательный палец и произнесла:

– Для начала надо узнать, они вообще в курсе, что у них творится?

– У них? – удивилась я. – А вы разве ну... не из них?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.